

Принцесса Аврора помирилась с феей Карабос

14.7.97

Премьера «Спящей красавицы»
в Дюссельдорфе

Сегодня -- 1997 -- 14 июля --
6.10.

Штутгарт

Хорст Кеглер

рошедший сезон ознаменовался настоящим бумом: в противоположность европейскому курсу доллара акции «Спящей красавицы» бешено подскочили вверх не только в Германии, но и за ее пределами. После Лондона, Вены, Лейпцига, Бонна и Дортмунда новую продукцию немеркнущего шедевра Чайковского выдала на-гора Немецкая опера на Рейне. Новинке суждено было принести громчайший успех постановщику Хайнцу Шперли, вообще на отсутствие успеха не жалуемся. Хотя на сей раз в бочке меда оказалась ложка дегтя: в будущем сезоне Шперли возглавит Цюрихский балет и Дюссельдорф потеряет своего любимца.

После спектаклей Джона Ноймайера в Гамбурге и Марсии Хайде в Штутгарте, которые полностью переосмысливали драматургическую перспективу «Спящей», Дюссельдорф обескуражил скупой конвенциональностью. Хотя в программке и толкуют весьма странно о «пути молодой девушки от крестин до свадьбы, оборачивающемся кошмаром со счастливым концом», на сцене Дюссельдорфской оперы разворачивается не что иное, как гранд дивертисмент, выглядящий, спору нет, весьма элегантно, но в эмоциональном плане холодный, как просторы Арктики.

Винной тому куцая — по самой своей сути — и неясная драматургия. Во-первых, крестины лихо перелицевали в день рождения шестилетней инфанты, во-вторых, на сцену выпустили единорога, который на протяжении всего спектакля мыкается, не зная, куда себя девать, в-третьих, злую фею Карабос превратили в сильно поддающую на банкетах леди, в-четвертых, такие действительные сцены, как предсказание укола от веретена и катастрофы на праздновании совершеннолетия принцес-

сы, сильно отодвинули на задний план, в-пятых и в-последних, свежемолвленная Аврора вдруг ни с того ни с сего решила помириться с злокозненной феей.

Что на самом деле спасает спектакль, которым с азартом и страстью дирижирует Давор Кряк, так это насквозь элегантно оформленное Дорина Галя, которое переносит действие в первой части в чуть сюрреалистически обозначенные края Ватто, а во второй — указывает на постреволюционные времена, на эпоху шеголей, Робеспьера и Дантона. К этому прилагается кристальный блеск хореографии, полностью отвечающей стандартам петербургского классицизма, верность которым обеспечивал для труппы Шперли мастеровитый Петер Анпель.

Но что бы стало с самым что ни на есть шикарным оформлением и самой чисто воспроизведенной хореографией Петипа без танцовщиков? Про них — солистов и артистов кордебалета в дюссельдорфском спектакле — можно сказать одним словом: сила! Как бы женственна и технически совершенна ни была Симона Нойя в заглавной роли, рядом с ней только выигрывает умопомрачительный принц в исполнении Лауренту Гинеа, чьи внешность и повадка изобличают в нем наиболее благородную балетную кровь. В роли принцессы Флорини Сэнди Делаваль грозит в ближайшее время стать дюссельдорфской Сильви Гильем. Может быть, наибольший танцевальный оптимизм и максимальную дансантичную энергию дарят публике Алисия Ольмета и Джоан Буа, которых запоминаешь как бриллианты самой чистой голубой воды в блещущем *pas de cinq* драгоценных камней.

Спектакль как театральная данность перерастает свои недостатки. Как бы ни мыкался на сцене единорог, как бы глупо ни вела себя фея Карабос, факт остается фактом: этой постановке «Спящей красавицы» суждено не менее ста представлений, гарантий чему служат неумные восторги премьерной публики.